

Россия для меня очень много значит*

Цэвээний Магсар

Монгольский государственный университет образования,
Улан-Батор, Монголия

Russia Means a Lot to Me

Tseveenii Magsar

Mongolian State University of Education,
Ulaanbaatar, Mongolia

This article covers autobiographical and research facts from the life of a Mongolian Russian scholar, literary critic, and translator of A. S. Pushkin's works. The author of the article is a graduate of the Faculty of Philology at Gorky Ural State University and President of the Mongolian Association of Teachers of the Russian Language and Literature. The article discusses issues related to his translation and research activities, and, more particularly, his conceptual approach to assessing literary critical thoughts and the principles he adheres to when translating Russian culture-related phenomena into Mongolian. Also, the article discusses some problems of saving values transferred by Russian literature and culture, with the author expressing his opinion on the Russian national mentality formed primarily through friendly communication. When working in modern Mongolian literary criticism, the researcher had to decide from what position to understand certain parameters in assessing artistic phenomena that existed in the era of socialist realism. As a result, he concludes that the most destructive thing in managing artistic culture, in particular, was excessive ideologization and moralizing, which is temporary and always becomes a barrier to the nature of creative thinking. By working in the field of translation studies and on the ways of transmitting Russian culture-specific phenomena in poetic texts into the Mongolian language, the researcher proposes to adhere to the principle that, first of all, the form and message of the work should not be affected, so that in terms of value it provides readers with an adequate perception in the target language.

Keywords: Russia, Mongolia, Russian literature, fiction translation, mentality

* *Citation:* Magsar, T. (2024). Russia Means a Lot to Me. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 19–32. DOI 10.15826/qr.2024.1.862.

Цитирование: Magsar T. Russia Means a Lot to Me // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 19–32. DOI 10.15826/qr.2024.1.862 / Магсар Т. Россия для меня очень много значит // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 19–32. DOI 10.15826/qr.2024.1.862.

Освещены автобиографические и исследовательские факты из жизни монгольского русиста, литературоведа и переводчика творчества А. С. Пушкина. Автор статьи – выпускник филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького, президент Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Обсуждаются вопросы, связанные с его переводческой и научно-исследовательской деятельностью, отмечен собственный концептуальный подход к оценкам литературно-критических взглядов, упомянуты принципы, которых он придерживается при переводе русских реалий на монгольский язык, затронуты проблемы сбережения ценностей, привносимых русской литературой и культурой, а также выражено личное мнение по поводу русского национального менталитета, сформированное в первую очередь в дружеском общении. При работе в области современной монгольской литературной критики исследователю пришлось определиться, с какой именно позиции разобраться с теми или иными параметрами в оценке художественных явлений, существовавших в эпоху соцреализма. В итоге он приходит к выводу, что самое губительное в управлении художественной культурой, в частности литературой, это чрезмерная идеологизация и излишнее морализаторство, представляющие из себя явление временное и всегда идущие во вред самой природе творческого мышления. Работая в области переводоведения, в том числе находясь в поисках способов передачи русских реалий, отображенных в поэтических текстах, на монгольский язык, исследователь во главу угла ставит форму и пафос произведения, а также ценностную составляющую, что должно обеспечить адекватное восприятие произведений на языке перевода.

Ключевые слова: Россия, Монголия, русская литература, художественный перевод, менталитет

С выбором профессии у меня в детстве, как и у большинства детей, не было определенности. Скорее всего, я полагался на судьбу. Когда после окончания восьмилетней сельской школы в 1973 г. мне предложили поехать учиться в региональное педучилище (как потом выяснилось, это была отцовская инициатива), стало ясно, что дело пойдет к преподаванию. В Монголии того времени существовала практика направлять лучших выпускников колледжа (тогда он назывался техникумом) в высшие учебные заведения, и в их числе оказался я. Однако меня определили на отделение рисования и труда, к которым я не имел особых дарований. Поэтому я тут же стал искать возможность поменять специализацию на монгольскую филологию, исходя из моей склонности к литературе. Сделать это не получилось. Но в тот самый момент произошел счастливый случай – ко мне подошел студент с отделения русской филологии и предложил поменяться местами. В итоге я сделал это даже с большим удовольствием, так как владение русским языком, тем более на уровне профессии, считалось престижным делом. К концу того же учебного года мне тоже повезло – мне предложили ехать учиться в Россию, на филологический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Не скажу, что сразу окунулся в эту обширную духовную сферу, так как учеба давалась с большим трудом. Но когда мне торжественно вручили диплом с отличием, я почувствовал ощущение гордости за то, что пять лет прошли не зря. По итогам защиты дипломной работы на тему «Проблемы героя в ранних рассказах М. Горького» было рекомендовано издать ее в Перми, что также поддержало мое стремление к изучению словесности, которое впоследствии привело к научной теме в области монгольского литературоведения. В то время я со своей студенческой незрелостью не совсем понимал, почему профессор Юрий Анатольевич Мешков, литературовед и критик, будучи моим дипломным руководителем, порекомендовал взять именно ранние рассказы Горького, а не произведения, написанные в эпоху соцреализма. Только со временем мне стало понятно, что у Горького именно ранние герои были наиболее проблемными и интересными в художественном отношении.

Для Монголии Горький был примечателен еще одним обстоятельством – он состоял в переписке с нашими литераторами. В 1925 г. он, находясь на лечении в Италии, в Сорренто, получил от монгольских переводчиков и писателей адресованное на его имя письмо-обращение, в котором его просили дать советы по поводу того, какие произведения следует переводить на монгольский язык в сложившейся тогда постреволюционной обстановке. Горький сразу ответил и исходя из веками выработанной у монголов ментальности, связанной с буддийским мировосприятием, посоветовал придерживаться «принципа активности». Так как властям того времени (как в России, так и в Монголии), обреченным на ненависть ко всему религиозному, данная аргументация показалась очень актуальной, увы, советы Горького тут же были превращены в чуть ли не самый ходовой лозунг критического толка по отношению к традиционной национальной культуре в целом [см. об этом: Магсар, 2009а, с. 95]. А мне как дипломнику было понятно, что в обобщенном виде такой принцип содержится и в самом творчестве Горького [см. об этом: Магсар, 1988, с. 51–54].

Учась в университете, я осознал, что филологический факультет УрГУ – не только одна из мощных интеллектуальных составляющих самого университета, но и сильнейший коллектив ученых в масштабе всей России. Мне довелось слушать курсы прекрасной плеяды авторитетных лингвистов и литературоведов, таких как Э. В. Кузнецова, А. К. Матвеев, И. А. Дергачёв, А. С. Субботин и др. А в 2017–2018 гг., когда я трудоустроился в своей alma mater в лице приглашенного профессора, я с большой радостью встретился со своими преподавателями-профессорами, которые продолжают трудиться на благо науки и процветания университета: это Л. П. Быков (когда я учился, он у нас вел спецсеминары по современной русской литературе), для которого я организовал интервью по его профессиональной теме, и оно было напечатано в одной из центральных газет Монголии в моем переводе [Быков]; И. Т. Вепрева – в соавторстве с ней

и с финским профессором А. Мустайоки была написана статья, которая, как я заметил, привлекла внимание исследователей [Вепрева, Мустайоки, Магсар]; всегда заботливые и высокопрофессиональные Т. В. Матвеева, Н. А. Купина и всегда интеллигентная и многогранная М. Э. Рут – это все те люди, которые продолжают славную традицию филфака УрГУ. Как-то волею судьбы из меня получился один из тех выпускников, который довольно хорошо впитывает в себя дух своего университета, за что я бесконечно благодарен. Доказательством этого является то, что с 2019 г., с момента моего пребывания на посту президента Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МонАПРЯЛ), мы совместно с УрФУ успешно реализовали пять проектов по продвижению русского языка в Монголии, которые внесли большой вклад в дело профессионального развития монгольских русистов¹. Да и не только это. Были и другие проекты, реализованные УрФУ в Монголии с моим участием, в частности, посвященные юбилеям исторических событий в области сотрудничества между нашими странами (например, 80-летие победы на Халхин-Голе и 75-летие победы во Второй мировой войне). Такое плодотворное сотрудничество между университетом и его выпускником в свое время было отмечено всеобщим признанием: по случаю 100-летия Уральского федерального университета Ассоциация выпускников УрФУ удостоила меня премии «Признание» в номинации «Образование». Значит, я пожинаю плоды духа своего университета в полной мере – как же этим не гордиться!

В Монголии среди моих сверстников довольно часто можно встретить пророссийски настроенных людей, и я один из них. Мы выросли в немного ином, чем, может быть, во многих других странах, социальном окружении. Эта традиция идет от наших отцов и дедов и главным образом базируется на чувстве благодарности за то, что русские, да и все народы Советского Союза внесли неоценимый вклад в дело укрепления суверенитета Монголии в XX в., в развитие ее современных отраслей экономики, науки, образования, культуры и здравоохранения. И нас, то есть многих представителей моего поколения, окружала среда, в которой всегда чувствовались уважение и безусловное доверие к русским. У подавляющего большинства монгольского населения такое отношение сохраняется, как мне кажется, по сей день. Ведь современная Россия переживает трудный период своей истории. Естественно, в первую очередь здесь под угрозой оказываются изучение русского языка и ограничение русской культуры, в особенности в тех странах, где идеология предопределяет культурную политику. А в Монголии этого нет. Поэтому, на мой взгляд, нет сомнений, что данное традиционное позитивное отношение не должно

¹ Это летний лингвистический лагерь «Кириллица-фест» (2019); марафон по русскому языку (1-й этап, 2020; 2-й этап, 2021); творческие лаборатории по русскому языку в Монголии (2022); «Цифровая среда русского языка в Монголии» (2023).

измениться коренным образом. Любой интеллигентный или просто сообразительный монгол не может не признаться в том, что русский язык и русская культура сыграли большую роль не только в научно-образовательном, но и в социально-культурном пространстве современной Монголии, так же, как и в том, что сами русские внесли большой вклад в укрепление суверенитета нашей страны в прошлом столетии. Вот почему мы, монголы, всегда стараемся сохранить верность дружбе с нашим великим северным соседом.

Что касается моей исследовательской работы, то она ориентирована на монгольское и русское направления словесности. Попробую подчеркнуть в нескольких словах особенности и того, и другого. Переориентация взглядов в духовно-культурной сфере начала 90-х гг. прошлого века произошла не только в Монголии, но и во всех государствах, где господствовала единая государственная идеология. В этом отношении взятая мною научная тема в области монгольской литературно-критической мысли XX в. оказалась очень актуальной. Надо было заново подвергнуть анализу все те ценностные параметры, которые до того времени практически служили «руководством» для претворения партийной политики в духовно-культурной сфере общества.

Естественно, в такой политике были свои плюсы и минусы. В частности, для такой страны, как Монголия начала XX в., кардинальное развитие современной системы образования и вытекающий отсюда оживленный приток новшеств, связанных с наукой и культурой, в том числе и с письменной литературой, были бесспорным прогрессом в ее вековой истории, несмотря на имеющееся богатое духовное наследие. В XX в. в результате прогрессивного развития фактически всех без исключения отраслей общественной жизни сфера культуры получила новый толчок к развитию. Художественная литература приобрела новые возможности для развития во всех жанрах, что естественным образом привело и к активизации художественно-критической мысли. Большую роль в этом сыграла и русская классика. Классическая русская литература как носитель духа европейской культуры, безусловно, оказала влияние на современную монгольскую литературу, и в итоге литература XX в. у нас в известной мере обогатилась элементами западной культуры. Я бы сказал, состоялся определенный поворотный момент в развитии художественно-эстетической мысли в сторону европеизации. Естественно, он был обусловлен общественно-историческими обстоятельствами, которые, как и любая инновация, сразу увлекли сильных представителей творческой молодежи, в особенности молодое поколение 1930-х гг.

Однако со временем этот процесс стал приобретать негативный оттенок, обусловленный в первую очередь чрезмерной идеологизированностью художественного творчества и сопутствующими ему «недугами», такими как бесконфликтность, одноликость, формальная стереотипность и т. д. Вследствие этого до 1990-х гг. у нас явным образом стали выделяться неофициально два направления в литера-

турной критике: первое – художественно-аналитическое, представители которого больше заботились об эстетико-ценностных показателях литературы, в частности, так называемая «школа Ц. Мунх» [см.: Магсар, 2009б, с. 32–38], и второе – более идеологизированное, которое проводило партийную политику, будучи ее идейной структурой, в литературных кругах оно именовалось цензурной критикой. В подобных условиях естественным было ставить во главу угла эстетико-ориентированные параметры оценок художественного творчества. Именно с этой точки зрения была определена моя концепция подхода к рассмотрению истории литературно-критической мысли Монголии XX в. Знакомство с европейской литературой еще больше убедило меня в том, что чрезмерная идеологизация и излишнее морализаторство в художественной культуре – явления временные, приводящие к искажению творческого мышления.

Исследования в области русистики во многом связаны с преподавательской деятельностью. Преподавание русской литературы, особенно теории и практики художественного перевода, вызвало интерес к компаративному изучению некоторых специфических явлений русской и монгольской культур, касающихся способов передачи конкретных реалий, менталитета, метафорического мышления и картины мира. Работая, к примеру, над переводом поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» на монгольский язык, я столкнулся с массой проблем, связанных с передачей русских реалий (свои переводы поэтических текстов я предпочитаю издавать в параллели с оригиналом, чтобы студентам легче было анализировать текст).

Вспоминается один эпизод. На стадии завершения моей работы над переводом в Монголию приехали известные российские ученые в области лингводидактики С. А. Хавронина и В. М. Шаклеин. Сидя за чашкой кофе, мы обсуждали вопрос о трудностях поэтического перевода. Разговор зашел о реалиях, с которыми я как раз сталкивался в тот момент. Например, проблема передачи имен и названий широко распространенных литературных персонажей (Кощей, Бабы-Яги, русалок и т. д.) мною решалась по-разному, исходя из того, насколько знакомы с данными персонажами монгольские читатели. То же касается национально-специфических предметов, названия которых так или иначе следовало перевести близкими эквивалентами, чтобы текст без затруднения воспринимался монгольскими читателями. Эта тема заинтересовала русских ученых, и В. М. Шаклеин предложил мне написать статью для научного журнала РУДН. В ней освещены предложенные мной варианты решения проблемы перевода названий специфических русских реалий на монгольский язык [Магсар, 2014].

Проблема заключается в том, что у наших языков, относящихся к разным языковым группам, совершенно разные культурные фоны, которые при переводе требуют более корректного решения. Поэтому закономерно, что в межъязыковой трансформации стихотворного текста происходят явные потери, связанные обычно с тем, что

первичная забота переводчика здесь – поэтическое оформление текста на языке перевода. Тут как раз к месту упомянуть позицию Т. С. Кузнецовой о том, что «мастерство переводчика проявляется в его способности сохранить баланс между так называемой “доместикацией” текста, который он переводит, и “духом” текста, не вытравливая из него специфичное (всегда присутствующее), заменяя на универсальное, так как первое стирает национальные черты оригинала, обесцвечивая его, а второе ведет к возникновению перевода, который по меньшей мере звучит неестественно и натужно и нарушает нормы переводящего языка» [«Непереводимо, но мы стараемся», с. 1381]. С точки зрения эстетики текста поэтический перевод во что бы то ни стало не должен страдать в плане формы и пафоса. Кроме того, ради адекватного восприятия произведения читателями он не должен «осложняться» затруднительными элементами, дополнительными комментариями или излишними сносками. Чтобы заглянуть в суть проблемы, поделюсь двумя-тремя характерными моментами из перевода поэмы «Руслан и Людмила» на монгольский язык.

Хотя монгольский и русский языки имеют разные культурные традиции, по части литературной связи Монголия и Россия с давних времен находились в тесном контакте. Поэтому монгольские читатели так или иначе знакомы с русскими сказочными героями, поскольку многие сказки давно переведены на монгольский язык, включены в школьные учебники, и среди читателей они пользуются большой популярностью. Например, такие сказочные персонажи, как Баба-Яга (по-монгольски – *Нисдэг шулам*), Василиса Прекрасная (*Сайхан Василиса*), русалка (*Лусын охин*), а также такие художественные образы, как шапка-невидимка (*далдын хар малгай*), Колобок (*өнхрүүш*), сюжет с избушкой на курьих ножках и многие другие, популярны среди монголов, и перевод таких имен (или названий) особых затруднений не вызывает. Поэтому, как подтверждают теоретики перевода, уже имеющийся в национальной культурной среде культурный фон той нации, которая является создателем текста, может служить благоприятной почвой для перевода [Комиссаров, с 49].

Кроме того, в русской литературе и фольклоре встречаются национально-специфические явления или предметы, названия которых соотносимы с монгольской культурной традицией. Например, названия музыкальных инструментов – гусли, арфа, волынка. Их можно перевести аналогичными монгольскими названиями (гусли и арфа – *ятга*, волынка – *цуур*), хотя русские и монгольские денотаты несоотносимы между собой. Отмечу интересный факт: некоторые русские музыкальные инструменты давно уже носят монгольские названия: арфа – *морин ятга*; баян – *баян хуур* («баян» по монгольски означает «богатый», что далеко не соответствует русскому «баяну», схожему по звучанию с вещим Бояном; *хуур* – референциальная единица для музыкального инструмента, обычно в составе слов *морин хуур*, *аман хуур*, *баян хуур* и т. д.). Таким образом, общие монгольские

названия *ятга*, *цуур* в поэтических переводах вполне могут сохранять информативную ценность русских денотатов.

Наряду с этим имена героев, или нарицательные имена, я счел необходимым перевести, если они носят какой-либо ценностно-информативный характер (в данном случае они обычно бывают переводимыми). Например, имя Черномор, в котором содержится явная информация в прямом смысле – «черный мор». Оно вполне соответствует монгольскому *хар тахал* («черная эпидемия»). Подобным же образом переведено слово «арап». «Арапов длинный ряд» (в моем переводе – *хар цэргийн урт цуваа*, что означает «длинный ряд черных войск») представлен в моем варианте, может быть, в более отрицательной, чем в оригинале, образной оболочке, так как монгольский *хар цэрэг* носит двоякий информативный характер, где смысл одного, исторически закрепленного в национальном сознании, превалирует над другим – тем, что имеется в виду в поэме.

Однако есть в произведениях русской литературы персонажи, предметы и явления, не имеющие монгольских эквивалентов. Их можно было сгруппировать по степени трудности их передачи на монгольском языке, основываясь на том, насколько широк информативный объем данной лексической единицы или художественного образа. Разумеется, чем шире информативный объем, тем меньше возможностей в подборе подходящих эквивалентов, тем сложнее перевод. Например, русская котомка – дорожная сумка, носимая за плечами, – если она крепится за седлом, вполне может переводиться на монгольский язык как *богц* – дорожная сумка, крепящаяся к седлу. Слово «кафтан» – старинная долгополая русская одежда – в переводе опущено, а высказывание «держаться за кафтан» переведено одним словом *хормойдох*, что означает «хвататься за подол», где в монгольском сознании будет подразумеваться своя национальная одежда *дээл*. Таким образом, «кафтан» подсознательно трансформируется в *дээл*. Или, скажем, в строчках «Кругом курильницы златые подымяют ароматный пар» сама картина рождает в монгольском сознании курильницы для благовонного курения можжевельника (чаще – в буддийских храмах), что также не вызывает особых затруднений в трансформации, хотя денотаты совершенно разные.

Эти примеры представляют определенный ряд лексических единиц совершенно другого рода или вида, чем то, что дается в переводе, однако в художественно-информативном плане они вполне заменимы. Но нельзя распространять данный прием на другие лексемы, тем более, если они имеют дополнительный информативный смысл. Например, в переводе на русский язык романа известного монгольского писателя Ч. Лодойдамба «Прозрачный Тамир» национальный монгольский сапог *гутал* был передан транслитерацией (*гутул*), так как это слово значило больше, чем обычный русский сапог: скажем, в гутале можно было ездить сутками верхом зимой в сорокоградусный мороз. Дополнительные информативные доли существительного

гутал – сделан из хорошей кожи, имеет теплую войлочную подкладку до самого колена, удобный для езды верхом и т. д. – свидетельствуют о том, что слово «сапог» здесь не может стать полноценным эквивалентом [Магсар, 2012, с. 56].

Также есть лексические единицы (или художественные образы), которые просто не имеют точных денотатов в монгольском языке, но формальные эквиваленты для них могут быть найдены. Строка «Одна, красавица младая на берегу плела венок» в моем переводе выглядела, может быть, без лексической потери (*Усны хөвөөд залуу бүсгүй өнгийн цэцэг сүлжиж суув*), но сам род деятельности «плести венки» или вообще «венки» (более близкий вариант – *цэцгээр титэм сүлжих*) для монгола нетипичен. Поэтому очень возможно, что для рядового монгольского читателя данная картина может вызвать ассоциацию: сидит на берегу человек и плетет цветы просто от безделья. Так же и «венец». Строка «венец любви, венец желаньям» может быть воспринята двояко: «венец желаньям» (*хүслийн зовлон*) соотнесен со смыслом «страдание от желания», а «венец любви» (*хайрын титэм*) – вроде «вершины любви» или «венца любви». Или, например, «русская баня» (*орос уур*). Наша современность дает возможность перевести данное слово благодаря тому, что в настоящее время в Монголии появилось много финских бань. С некоторым затруднением в этом ряду получился перевод понятия «черная книга» (*хар судар*). Хотя выбранный вариант в образном плане, на наш взгляд, обеспечивает смысловой оттенок переводимой единицы, но традиционный монгольский *хар сутар* – это что-то другое, а именно книга, содержащая тексты черной магии, заклинания, магические слова и пр. Поэтому понятие «чернокнижный язык» (*хар судрын тарни*) в переводе стало звучать как «заклинание чернокнижия», где смысл понятия несколько изменен.

Но самым трудным оказался перевод специфических культурно или национально маркированных элементов. В частности, это персонажи из различных источников, в том числе религиозно-мифологических (Диана, Орфей, Дорида, Дельфира и др.). Обычно они используются в поэтических текстах с определенной целью [см.: Лотман, с. 14; Львовская, с. 268]. Например, Орфей – это не только персонаж древнегреческой мифологии, символизирующий певца и музыканта. В поэме «Руслан и Людмила» Северным Орфеем А. С. Пушкин называет своего любимого поэта В. Жуковского. Наверное, Орфей как мифологический образ певца или музыканта в поэтическом тексте вполне мог быть переведен на монгольский язык точно таким же монгольским эквивалентом *Янжинлхам*. Но здесь на этот образ поэт накладывает дополнительную информацию, как будто извиняется перед В. Жуковским, что не мог не поддаться влиянию его стиля («в повести моей забавной теперь вослед тебе лечу»), используя в своей поэме сюжет из его «Двенадцати спящих дев».

Там, где возможно в подобных случаях, приветствуется наличие переводческого комментария. Например, при переводе такого по-

нения, как «рыцари парнасских гор», мною использован именно этот способ (*Хэзээний цуут Парнас уулын хэл амаараа тэрслэгчид*): само слово «рыцари» опущено и заменено понятием «противоборствующие в споре» (*хэл амаараа тэрслэгчид*), поскольку переводом слова «рыцари» нельзя передать даже часть скрывающейся за ним информации о том, что поэты времен Пушкина, поднимающие шум, занимающиеся пустословием, не нравились автору «Руслана и Людмилы». Также опущено имя Мельпомена: «плохой питомец Мельпомены» в монгольском переводе представлен как «плохой актер, выступающий в роли трагического героя» (*эмгэнэлт дүрийн муу жүжигчин*).

Перевод русских реалий в поэтических текстах должен способствовать тому, чтобы монгольский читатель получил такое же удовольствие и впечатление, что и читатель русскоязычный. В подобных ситуациях может оказаться любой переводчик, и каждый обязательно ищет свой способ решения проблемы. Со своей стороны я хотел максимально обобщить факты, имеющие научный интерес, хотя они являются частными выводами из практики перевода лишь одного текста. Такой же интерес могут представить компаративные исследования метафорического мышления, картины мира и связанной с ней специфики менталитетов как у монголов и русских, так и у любых других народов, поскольку в эпоху глобализации и тотального взаимодействия культур (или межкультурной коммуникации) подобные исследовательские направления, будучи узловыми, являются востребованными.

Говоря о менталитете, хотелось бы высказаться о русском характере, о том, каким он запечатлен в моем представлении. Учеба в России, в целом дальнейшая моя жизнь, связанная с русскими, безусловно, дали возможность встретить хороших друзей. Да и сегодняшнее постоянное близкое общение с коллегами из России по-прежнему углубляет мое представление о них. Любая нация имеет свой менталитет, в котором можно увидеть и светлые, и темные стороны, особенно с позиции посторонних. Так оно и в русском менталитете. В общечеловеческом плане весьма характерными его чертами являются совесть и самоотверженность, которые отображены, например, в рассказе «Русский характер» А. Толстого в образе Егора Дремова.

Я считаю, что к миру характеров человека никто иной, кроме друзей, лучше не приобщает. Например, с Владимиром Миролевым, учредителем питомника «Сады Урала», мы дружим со студенческих лет. В нем всегда чувствуешь искренность, постоянство, готовность протянуть руку в трудную минуту, одним словом, надежную человеческую опору. Тут не место говорить о деталях нашей сорокапятилетней дружбы. Но вот деталь из нашей студенческой жизни, которая говорит еще об одной стороне русского менталитета. Когда мы жили в общежитии, у нас в комнате

временно остановился его друг, тяжелоатлет Петя Юдин, который готовился к областным соревнованиям (Володя тогда тоже занимался тяжелой атлетикой). Помимо тренировок, Петя каждый день ходил в баню, чтобы сбросить вес. За день до соревнований, когда мы с Володией вернулись с лекций, мы увидели Петю совершенно пьяным. Ему оставалось сбросить меньше килограмма, для чего он парился весь день, а до нормы, однако, никак не смог дотянуть. Тогда он расстроился и от отчаяния взял да и напился. Русские – невероятно терпеливый народ, но когда терпение кончается, они склонны впадать в отчаяние.

Другой мой друг – поэт Валерий Антонюк из Челябинска. Он входил в Свердловское литературное объединение, много читал, а по ночам слушал «Голос Америки» и все время высмеивал коммунистическую пропаганду. И как мне стало понятно потом, во многом он был прав. Валера не смог влиться в существующий общественный строй – в середине учебы бросил университет и уехал куда-то в Казахстан работать в редакции газеты. Своеволие – это еще один «симптом» русского менталитета. Когда он ездил в Алапаевск к родителям жены, по пути непременно навещал меня. Бывало, мы вместе ездили в Челябинск к его родителям, где он устраивал встречи с поэтами и писателями, по случаю моего присутствия накрывал стол. Года три назад я услышал печальную весть о том, что Валера мой скончался где-то в Прибалтике. И Миролеев, и Антонюк – признанные поэты (оба выпустили поэтические сборники), люди с хорошим чувством юмора, обладающие богатой выразительной речью. В своем прогрессе в плане разговорной русской речи, вообще литературно-эстетического кругозора в немалой мере я в долгу перед ними. В немногочисленных русских друзьях всегда вижу лучшие человеческие качества, чувствую их поддержку, отзывчивость и постоянную заботу.

Размышляя о мире людей, часто сталкиваешься с вопросом о прежних и современных ценностях, об изменении человеческой природы. Каждое поколение любит идеализировать прошлое, осуждать настоящее. Однако современный технологический прогресс коренным образом стал влиять на человеческую сущность. Оказалось, все мы подвластны стремительному технологическому ускорению, от простого программного моделирования до искусственного интеллекта. Необузданное стремление современного мира, его технико-технологическая зависимость, урбанизация культуры, истощение ресурсов изменяют все – и планету, и климат, и природу, в том числе природу самого человека. Человек прошлого века узнать себя не может в нынешнем мире, как в «Женском разговоре» В. Распутина не может во внучке узнать себя Наталья.

В Монголии был хороший поэт, выпускник Литературного института им. А. М. Горького Долгорын Нямаа, написавший автобиографическую повесть «Тэнгэрийн хаяа» («Горизонт»). Прочитав

ее, я тут же написал статью в газету под названием «Нүүдэлчдийн сүүлчийн дуулал» («Последний зов кочевников») [Магсар, 2015]. Ведь многие жизненно важные ценности, веками выработанные в натуре кочевников, постепенно теряются как результат быстро меняющихся обстоятельств современного мира. Разумеется, это общемировая закономерность, но если вовремя не спохватиться и не прилагать усилия для сохранения нашего духовного наследия, то это приведет (уже приводит) к печальным последствиям. Работая над данной статьей, я задумался над вопросом о том, какие направления в российской гуманитаристике я могу считать наиболее востребованными. Ответ прост: постоянно отыскивать пути для решения проблемы сохранения наших общих ценностей.

Человечеством накоплено обширное духовное богатство, в которое каждая нация вносит свою лепту. Но его невозможно представить без того, что создано на русском языке. Вместо того, чтобы использовать это богатство на благо приумножения общечеловеческих ценностей, оно подвергается деградации, игнорируется или предается забвению. В интервью с Леонидом Петровичем Быковым, ссылаясь на известное его высказывание о том, что Д. Донцова и подобные ей – это лекарство от скуки, а Ф. Достоевский – это лекарство для жизни, я спросил: «Все-таки что сегодня берет верх?» – на что он ответил: «На прилавках во всем мире доминирует литература массовая. Это цивилизационная неизбежность. <...> Книги для отдыха, развлечения и даже отвлечения от жизни, книги, не требующие особой читательской квалификации, необходимы так же, как неизбежен и фастфуд. Другое дело, что и здесь желателен некоторый литературный уровень» [Быков]. Такова картина нашего времени. Но ясно одно – что русский язык как основа для рождения замечательных литературных шедевров и великая русская культура непременно останутся бесценным источником, из которого весь мир будет черпать художественные идеи и получать неизмеримое удовлетворение от приобщения к человечности.

Библиографические ссылки

Быков Л. П. Оросын уран зохиол өмнөх олборлосон хүдрээ л боловсруулж байна // Зууны мэдээ. 2018. 15 июня.

Вепрева И. Т., Мустайоки А., Магсар Ц. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (187). С. 241–258. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.038.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.

Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М. : URSS, 2008. 219 с.

Магсар Ц. М. Горькийн идэвхтэй зарчмын тухайд. Утга зохиолын шүүмжлэл. Улан-Батор : Улсын хэвлэлийн газар, 1988. 206 с.

Магсар Ц. XX зууны монголын утга зохиолын шүүмжлэл. Улаанбаатар : Бит пресс, 2009а. 152 с.

Магсар Ц. Ц. Мөнхийн дэг сургууль (Шавь нарын бүтээлийн эмхэтгэл). Улан-Батор : Жиком-Пресс, 2009б. 596 с.

Магсар Ц. Место Пушкина в истоке монгольской поэзии нового времени // Уч. зап. Гос. ун-та Чжэнчжи (Тайбэй). 2012. Вып. 19. Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. С. 49–71.

Магсар Ц. К проблеме перевода русских реалий из поэтических текстов // Вестн. РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 2. С. 35–41.

Магсар Ц. Нүүдэлчдийн сүүлчийн дуулал // Өдрийн сонин. 2015. 9 мая.

«Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода / О. Варшавер, А. А. Гонсалес, Т. Кузнецова, Е. Петрова, О. Сидорова, К. Хьюитт // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

References

Bykov, L. P. (2018). Orosyn uran zokhiol өмнөх олборлосон кхыдree 1 болоvsруulzh baina [Russian Literature Continues To Develop the Ores Discovered before]. In *Zuuny medee*. 15 June.

Komissarov, V. N. (2002). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS. 424 p.

Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of Literary Text]. Moscow, Iskusstvo. 384 p.

L'vovskaya, Z. D. (2008). *Sovremennye problemy perevoda* [Modern Issues of Translation]. Moscow, URSS. 219 p.

Magsar, Ts. (1988). *M. Gor'kiin idevkhtei zarchmyн tukhaid. Utga zokhiolyn shyyimzhlel* [On the Principle of Activity of M. Gorky. Literary Criticism]. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliin gazar. 206 p.

Magsar, Ts. (2009a) *XX зууны монголын утга зохиолын шүүмжлэл* [Mongolian Literary Criticism of the 20th Century]. Ulaanbaatar, Bit press. 152 p.

Magsar, Ts. (2009b). *Ts. Mönkhiiн deg surгуул' (Shav' naryн byteeliin emkhetgel)* [School of Ts. Munkh (A Collection of His Students' Works)]. Ulaanbaatar, Zhikom-Press. 596 p.

Magsar, Ts. (2012). Mesto Pushkina v istoke mongol'skoi poezii novogo vremeni [Pushkin's Place in the Source of Mongolian Poetry of Modern Times]. In *Uchenye zapiski Gosudarstvennogo universiteta Chzhenchzhi* (Taipei). Iss. 19. Voprosy izucheniya russkogo yazyka, istorii i kul'tury Rossii, pp. 49–71.

Magsar, Ts. (2014). K probleme perevoda russkikh realii iz poeticheskikh tekstov [On the Problem of Translating Russian Culture-Specific Terms from Poetic Texts]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. No. 2, pp. 35–41.

Magsar, Ts. (2015). Нүүдэлчдийн сүүлчийн дуулал [The Last Call of the Nomads]. In *Өдрийн сонин*. 9 May.

Varshaver, O., González, A. A., Kuznetsova, T., Petrova, E., Sidorova, O., Hewitt, K. (2023). “Непереводимо, но мы стараемся”: perevodchiki i perevodovedy ob aktual'nykh problemakh teorii i praktiki perevoda [“It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 4, pp. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

Vepreva, I. T., Mustaioki, A., Magsar, Ts. (2019). Chto varyat na politicheskoi kukhne: aksiologicheskii potentsial kulinarno-gastronomicheskoi metafory v publitsisticheskom diskurse [What is Cooked in the Political Kitchen: The Axiological Potential of the Culinary and Gastronomic Metaphor in Journalistic Discourse]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (187), pp. 241–258. DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.038.

The article was submitted on 10.12.2023